ГАРМОНИЯ ДУШИ

Тепло, которое остаётся

Носенко
Валерий Александрович

Валерий Носенко

Тепло, которое остается

«Автор»
2026

Носенко В. А.

Тепло, которое остается / В. А. Носенко — «Автор», 2026

После долгих лет спешки Илья возвращается в старый семейный дом. Здесь всё осталось почти прежним: заедающий замок, потемневший кухонный стол, яблоня у окна. Но привычные вещи неожиданно заставляют вспомнить о том, что годами откладывалось: несказанных словах, упущенных встречах и людях, которым не хватало его внимания.Разбирая фотографии и письма, Илья открывает незнакомые страницы жизни матери. Он пытается заново услышать взрослую дочь Лену, написать старому другу и понять, что связывает его с соседкой Верой. Постепенно ему становится ясно: забота не всегда означает советы и помощь, а близость начинается с простого желания слушать.«Тепло, которое остаётся» — тихая, проникновенная повесть о памяти, взрослении, прощении и возможности изменить отношения, даже когда кажется, что многое уже поздно исправлять. О доме, в который возвращаются не только за воспоминаниями, но и за будущим. О простых днях, в которых человеческое тепло оказывается важнее любых больших событий.

© Носенко В. А., 2026
© Автор, 2026

Валерий Носенко
Тепло, которое остается

Гармония души · Книга вторая
Повесть
14 ноября 2026
NOVACORE BOOKS

Оглавление

Вступление · Несколько шагов до порога
Возвращение к людям, которых предстоит узнать заново.
Ключ, который ещё подходит
Старый дом, в котором снова появляется завтрашний день.
Голос в конце дня
Разговор с дочерью и подробности её взрослой жизни.
Два стула под яблоней
Соседство, постепенно становящееся знакомством.
На обороте фотографии
Мамина жизнь за пределами привычных воспоминаний.
Разговор на кухне
Один детский вечер в памяти двух близких людей.
Вторая пара рук
Просьба о помощи и непривычная лёгкость общей работы.
День без гостей
Отменённая встреча и день, который всё-таки продолжается.
Письмо без оправданий
Попытка вернуться к старой дружбе без обещанного ответа.
Место рядом
Зарождающееся чувство и свобода другого человека.
То, что можно взять с собой
Детская комната, в которой появляется место для будущего.
За общим столом
Разные голоса и обыкновенный вечер вместе.
Дорога к дому
Выполненное обещание и возможность увидеть дочь иначе.
Заключение · Обыкновенное продолжение
Повседневная жизнь, в которой стало больше близости.

Вступление · Несколько шагов до порога

С улицы видно только освещённое окно. За ним кто-то передвигает стул, снимает с плиты кастрюлю, на мгновение останавливается у стекла. Нам неизвестно, какой день прожил этот человек и кого он ждёт. Но в поздний час, когда темнеет раньше, чем хочется, такое окно иногда задерживает взгляд.

Возможно, дело в столе, над которым горит лампа. Почти у каждого есть в памяти стол, за которым ему когда-то нашлось место. Оно могло быть тесным, у самого угла; приходилось подбирать под себя ноги и придерживать локтем скатерть. Там не обязательно говорили о любви. Чаще спрашивали, не подлить ли чаю, спорили о погоде, передавали хлеб. И только много лет спустя вспоминалось, как спокойно было сидеть среди этих голосов.

Впрочем, память сохраняет и другое. Резкое слово, после которого замолчали. Взгляд на часы посреди важного разговора. Вечер, когда хотелось задержаться, но никто не предложил остаться. Всё это живёт рядом, порой в воспоминании об одной и той же кухне, об одном и том же человеке.

Вернуться к людям бывает труднее, чем вернуться в знакомое место. Ключ ещё подходит к замку, а слова, которыми мы прежде пользовались, уже не открывают разговор. Дети выросли. Старые друзья научились обходиться без наших звонков. У человека, с которым хочется сблизиться, есть собственные планы на субботу. Нужно знакомиться заново, иногда — с теми, кого, казалось, знал всю жизнь.

Эта история начинается в конце августа, в доме, который несколько лет открывали только наездами. В нём сохранилось многое: тяжёлый буфет, неплотно закрывающаяся дверь, след от цветочного горшка на подоконнике. Пока ещё трудно сказать, что здесь стоит оставить и что можно отпустить. С людьми такой ясности тоже нет.

Есть только несколько недель до холодов, недоделанная работа и возможность спросить у другого человека, как прошёл его день. А после вопроса — остаться рядом достаточно долго, чтобы услышать ответ.

Ключ, который ещё подходит

Ключ вошёл в замок легко, но не повернулся. Илья чуть отступил, потянул дверь на себя и сразу понял, что уже пробовал это в прошлый приезд. Нужно было сделать что-то ещё — простое движение, которое мать показывала ему много раз. Пакет с продуктами оттягивал руку; пока он пристраивал его на ступеньке, наружу выкатилось яблоко и остановилось у трещины в доске. Илья проводил его взглядом, невольно задержавшись на самой трещине. Он ведь записывал себе, что крыльцом надо заняться летом. Теперь август заканчивался, а он всё ещё стоял перед закрытой дверью и пытался вспомнить, как попасть в собственный дом.

— Ручку приподнимите, — подсказали со стороны забора. — После дождей всегда так.

У соседской калитки стояла женщина с секатором. Узнав её, Илья обрадовался, что имя тоже вспомнилось сразу: Вера. Когда-то она передала ему мамины книги, которые брала почитать; он тогда торопился и толком даже не поблагодарил. Теперь хотелось сказать что-нибудь приветливое, спросить, как она поживает, но дверь уже поддалась, и получилось только:

— Спасибо. Всё время забываю.

— Я тоже забывала, когда к вашей маме ходила.

Вера произнесла это спокойно и наклонилась за срезанной веткой. Та зацепилась за траву, пришлось потянуть обеими руками, и разговор как будто сам собой закончился. Илья, однако, продолжал держать дверь открытой. Прежде он знал о соседке только то, что они с матерью иногда пьют чай. Теперь вдруг захотелось узнать, о чём они говорили за этим чаем, на что мать жаловалась, над чем смеялась. Вера могла помнить её совсем другой — такой, какой он сам не успевал увидеть во время коротких приездов. Но спрашивать через забор было неловко, а подойти он пока не решился. Подняв яблоко, Илья кивнул соседке и унёс продукты в дом.

О тех чаепитиях Илья продолжал думать, пока устраивал продукты в прихожей. Соседка, наверное, знала, что мать любила рассказывать, когда никто не поглядывал на часы. Снимая с плеча сумку, он задел рукав старого плаща. Тот висел на крючке у двери с тех пор, как Илья оставил его здесь несколько лет назад. В тот день неожиданно потеплело, мать сказала, что он сварится в такой одежде, и до машины он дошёл в одной рубашке. Впоследствии всякий раз собирался забрать плащ, но находились дела поважнее. Теперь ткань под ладонью была пыльной, а рукав после его прикосновения ещё немного качался. Илья поправил рукав и остался стоять с сумкой, не зная, куда её поставить.

Во время прежних приездов подобной растерянности не возникало. Он заранее знал, что нужно проверить крышу, передать показания счётчика или убрать после зимы ветки, и почти

с порога принимался за работу. Пока руки были заняты, в доме удавалось чувствовать себя спокойно; к вечеру можно было уехать с мыслью, что всё необходимое сделано. Так прошло несколько лет. Если случайная вещь останавливала его и приходилось вспомнить о матери, он бережно возвращал её на место и переходил к следующему делу.

На этот раз уехать к вечеру он не собирался. Ещё в городе решил, что останется до октября: поработает с ноутбуком, приведёт дом в порядок, подумает, что делать с ним дальше. В квартире его никто не ждал, а здесь хотя бы можно было выйти утром в сад. Такое объяснение нравилось ему своей разумностью. Он повторял его, укладывая одежду, покупая продукты, сворачивая с шоссе на знакомую дорогу, и только сейчас обнаружил, как мало оно помогает среди вещей, которые годами не решался тронуть. Сумку Илья в конце концов оставил у дивана. До вечера ещё было время; начать можно было с кухни.

За минувшую весну кухня превратилась в место, куда он сносил всё отложенное. Коробки на большом столе были подписаны его рукой: журналы, посуда. Предполагалось, что однажды он разберёт их и часть вещей кому-нибудь отдаст, однако даже блюдце с надбитым краем всё ещё лежало сверху. Мать пользовалась им до последнего, каждый раз поворачивая скол к стене. Илья попробовал вспомнить, почему не выбросил его, когда складывал коробку, но ответа не нашёл. Убирать блюдце обратно тоже не захотелось. Он поставил его у стены, освободил часть стола и стал раскладывать продукты, радуясь тому, что хотя бы для хлеба и помидоров место определить легко.

Для ужина теперь хватало места. Илья отрезал горбушку, собираясь сначала выпить чаю, и заметил за хлебницей сахарницу. При матери она всегда стояла возле его тарелки, хотя он много лет пил без сахара. Он возвращал её на середину стола, она снова пододвигала ближе, и эта маленькая перестановка сопровождала почти каждый их ужин. Илья иногда ворчал, что она никак не запомнит такую простую вещь. Теперь, достав сахарницу из-за хлебницы, он поставил её именно там, где она обычно мешала ему есть.

Под крышкой теперь лежала только ложка. Илья чуть повертел сахарницу в руках, словно собирался решить, куда её убрать, и поставил рядом с блюдцем. Рядом лежал телефон. Экран загорелся от нового рабочего сообщения, и он с облегчением взялся за ответ: там всё было понятно, требовалось уточнить срок и переслать документ. Закончив, он открыл другую переписку, хотя до понедельника она вполне могла подождать. Лишь когда стало жарко, заметил, что до сих пор стоит в куртке. Он снял её, открыл окна и, впустив в кухню воздух из сада, почувствовал себя немного лучше. К чайнику уже не тянуло; хотелось успеть что-нибудь сделать, пока светло.

За отвёрткой пришлось идти на веранду, оттуда он вернулся с удлинителем для обогревателя. В привычных хлопотах легко было думать о предстоящей неделе, о работе — почти так же спокойно, как в городе. Особенно приятно было закрыть дверцу шкафа и убедиться, что теперь она встаёт ровно. У этого маленького исправления был ясный результат. Он даже осмотрел соседнюю петлю, но наклоняться уже не хотелось: разболелась голова. Тут Илья вспомнил, что с утра ел только в машине, и вернулся к оставленному на столе хлебу.

Отрезанная горбушка успела подсохнуть. Он откусил её, отодвинул стул и сел, всё ещё прикидывая, чем заняться после ужина. Взгляд упал на противоположный край стола, затёртый там, где мать опиралась ладонью, когда вставала. Прежде эту особенность он едва замечал. Теперь оказалось, что смотрит именно на неё и никак не может перевести глаза. Всё время, пока ходил по кухне, мамино место оставалось сбоку; можно было заниматься коробками, открывать шкафы. Сидя напротив, Илья вдруг почувствовал, как непривычно много пространства между двумя стульями.

Он повернулся к окну, но там отражалась кухня, и вместе с этим отражением вспомнился один из прежних вечеров. Тогда он тоже приехал голодный и раздражённый, долго говорил по телефону в машине и вошёл с готовым объяснением, что задержаться не сможет. Ворот

рубашки натирал шею. Мать возилась у плиты и, услышав его шаги, спросила, будет ли он есть. Вопрос был самый обыкновенный, однако Илье показалось, что от него опять чего-то хотят прежде, чем он успел перевести дыхание.

— Мам, ну почему ты сразу про еду?

Она посмотрела на него, держа крышку над кастрюлей, и медленно опустила её на место.

— А про что тебя спрашивать? У тебя ведь всё нормально.

В её голосе он тогда услышал упрёк. Ему хотелось объяснить, сколько за этот день пришлось выслушать чужих требований и почему нельзя всякий раз приезжать на полдня. Но мать уже отвернулась к плите, а продолжать разговор с её спиной было неприятно. Илья сел и принялся рассматривать газету. Возле одной передачи стояла галочка, аккуратная, синяя. Под ней был ещё какой-то значок, должно быть, мать сомневалась во времени. От этой маленькой подробности ему стало неловко: у неё тоже были планы на вечер, а он вошёл так, будто здесь только и делали, что ждали возможности его задержать.

— Что смотреть собираешься? — спросил он.

Мать назвала старый фильм и начала объяснять, кто в нём играет. Он слушал вполуха, пытаясь вспомнить актёра, но вдруг заметил, что она замолчала и смотрит на него уже иначе.

— Что у тебя случилось, Илюша?

На этот раз привычное «ничего» не вышло. Он начал издалека, запутался в именах, вернулся к тому, о чём следовало сказать сразу. Приходилось объяснять обещания людей, которых мать никогда не видела, и обстоятельства, выглядевшие при пересказе довольно нелепо. Она пару раз перепутала сотрудников. На один её вопрос Илья ответил нетерпеливо, но она не обиделась, только уточнила, правильно ли поняла. Илья объяснил ещё раз, уже спокойнее. К тому времени, когда перед ним появилась тарелка, он уже почувствовал, насколько голоден.

Добавки он попросил сам. Мать поднялась к плите, и в этом быстром движении было столько привычного удовольствия, что ему стало жалко своих первых слов. Извиниться прямо он всё-таки не сумел; вместо этого спросил, не начинается ли её фильм. Оказалось, уже начался, и они перешли в соседнюю комнату. Там она сердилась на его вопросы: всё, о чём он спрашивал, успели показать до их прихода. Илья смеялся, пытался угадать, кто кому приходится, а мать просила дать ей наконец послушать. Когда он поставил тарелку на диван, она немедленно подвинула столик, даже не отрываясь от экрана.

Сейчас он помнил это движение так ясно, будто мог ещё протянуть руку и придержать столик за другой край. Помнил, как она немного подавалась вперёд в интересных местах, как поправляла рукав кофты. А вот названия фильма в памяти не осталось. Не осталось и того, чем закончился рабочий спор, который казался ему тогда таким важным. Илья попробовал восстановить хотя бы имя человека, из-за которого всё началось, но вместо имени снова услышал мамин вопрос про еду.

Он ответил бы ей сейчас совсем просто. Вымыл бы руки, сел и рассказал, как добрался, как снова заело дверь и Вера подсказала про ручку. Мать наверняка стала бы говорить, что замок пора менять. Он пообещал бы заняться этим утром, она поставила бы перед ним сахарницу. Мысль дошла до этого места с такой лёгкостью, что Илья на мгновение перестал жевать. Затем пришлось проглотить сухой хлеб, а проглотить его оказалось трудно.

У раковины можно было повернуться спиной к столу. Он пустил воду, дождался, пока уйдёт ржавчина, и взял чашку. Чашка была чистой, но Илья всё равно провёл пальцем по ободку и ополоснул её ещё раз.

За окном хлопнула автомобильная дверь. Илья поднял голову: по соседскому участку шёл мужчина с пустыми ящиками, Вера что-то объясняла ему с крыльца. Мужчина переспросил, они засмеялись, и до кухни донёсся негромкий, совершенно будничный смех. Илья смотрел, как ящики укладывают в багажник, и поймал себя на мысли, что до города меньше часа. Можно ведь вернуться сегодня, выспаться в своей постели и завтра приехать пораньше. Для

работы здесь пока ничего не приготовлено. Даже бельё осталось в машине. Чем дольше он перебирал эти доводы, тем легче становилось: решение уехать не требовало объяснений, никто о его планах ещё не знал.

С ключами в руке Илья вышел на крыльцо. За время, проведённое в доме, воздух заметно остыл; у ступеньки, где стоял пакет, ещё темнело мокрое пятно. Он обошёл машину и поднял крышку багажника. Сумка с бельём лежала поверх коробки с инструментами, рядом белел магазинный пакет. Илья заглянул в него: чай. Утром он долго выбирал его среди одинаковых пачек, вспоминал, какой покупает обычно, и вдруг взял другой — просто потому, что захотелось попробовать. Теперь держал пакет за тонкие ручки и смотрел на сумку. До кровати её нужно было донести всего несколько шагов.

Когда он повернул обратно к дому, Вера уже закрывала калитку. Она заметила ношу и немного придержала створку.

— Осваиваетесь?

— Понемногу.

— Вы на крыльце осторожнее. Левая доска совсем плохая.

Илья посмотрел на доску, которая прогнулась под ногой, и поблагодарил. Вера кивнула и пошла к себе. Он был рад, что она спросила именно так. На короткое «понемногу» вполне можно было ответить кивком, не выясняя, почему он стоит с постельным бельём у собственного крыльца и долго не заходит. Уже в прихожей Илья подумал, что завтра надо будет спросить у неё, где теперь покупают доски. Заодно, возможно, удастся поговорить и о матери. От того, что разговор мог начаться с такой простой вещи, он впервые показался посильным.

Поставив сумку в спальне, Илья вернулся к ужину. Большой стол с коробками и недоеденным хлебом всё ещё занимал почти всю кухню; садиться на прежнее место ему не хотелось. Зато у окна стоял маленький столик, на котором мать держала цветы. Горшки давно опустели, и он перенёс их на веранду, стараясь не рассыпать землю. Под одним остался светлый круг. Илья поначалу потёр его мокрой тряпкой, но скоро понял, что вокруг просто потемнело дерево. Стол от этого не становился хуже. К нему подошёл стул из спальни, а чашка удобно поместилась на самом светлом месте.

Пока закипал чайник, за стеклом понемногу исчезали подробности сада. Ещё можно было различить яблоки на ближней ветке, дальше деревья уже сливались. Илья сел лицом к окну и отрезал сыр. Сначала ел без всякого удовольствия, но после нескольких глотков горячего чая вернулся голод, и плотная хлебная корка оказалась неожиданно вкусной. Он вспомнил маленькую пекарню у поворота, где купил хлеб, и подумал, что зайдёт туда ещё. От этой мысли завтрашний день стал чуть определённее. Можно будет купить доску, хлеб, пройтись по улице, которую он последние годы видел преимущественно из машины.

В соседнем доме зажёгся свет, и вскоре оттуда донеслась музыка. Илья прислушался, пытаясь узнать мелодию, но слышал лишь отдельные звуки. Вера прошла мимо окна, задержалась, вернулась с чем-то в руках. Должно быть, тоже собиралась ужинать. Он взял телефон, собираясь посмотреть время, и заметил в списке переписок имя дочери. Лена писала несколько дней назад, спрашивала, как он. Он ответил, что нормально, много работы. В ответ на его вопрос о ней пришло почти то же самое. Он задержался на собственном ответе, потом ещё раз прочитал Ленин.

Илья прокрутил переписку выше. Между деловыми вопросами о документах и парой поздравлений нашлась фотография: Лена у жёлтой стены, в незнакомой куртке, повернувшаяся к человеку за кадром. В день, когда она прислала снимок, он поставил под ним улыбающееся лицо. На этом разговор закончился. Сейчас, увеличив изображение, Илья увидел, что дочь смеётся, запрокинув голову, совсем как в детстве, когда смешное заставало её врасплох. Он невольно улыбнулся ей в ответ и только после этого понял, что не знает ни места, где сделан снимок, ни человека, к которому она повернулась.

На стене за её плечом виднелась часть вывески. Илья попытался разобрать буквы, но изображение расплылось; проще было спросить саму Лену. Он открыл поле сообщения и подержал над ним палец. Написать «как дела?» после всего, о чём только что подумал, казалось недостаточно, а начать иначе сразу не получалось. Можно было рассказать про дом. Илья уже представил, как объясняет, что нужно отремонтировать, сколько собирается здесь пробыть, чем удобна удалённая работа. Лена, наверное, слушала бы и время от времени говорила: «Понятно, пап». Этот разговор он знал почти наизусть и потому так и не начал его.

Телефон остался рядом с чашкой, фотография ещё некоторое время светилась на экране. Завтра он спросит, когда ей удобно поговорить. И про жёлтую стену спросит тоже. Ему хотелось узнать, что происходило за секунду до снимка, кто рассмешил её, хороший ли был день. Илья попробовал припомнить, когда в последний раз задавал дочери подобные вопросы, и не сумел. Зато вспомнил, как она однажды принялась рассказывать ему о поездке, а он посреди рассказа отвлёкся на звонок. После звонка они обсуждали уже другое. Нужно было бы тогда попросить её продолжить.

Чай остыл, но уходить с кухни Илья не торопился. Здесь уже стало теплее, и обогреватель в спальне, наверное, успел сделать своё дело. Он допил остаток, накрыл хлеб полотенцем и прошёл к оставленной сумке. Бельё оказалось прохладным на ощупь. Наволочка никак не надевалась на подушку, пришлось вывернуть угол и просунуть внутрь руку; возясь с ней, Илья вдруг зевнул и почувствовал, как сильно устал за день. Когда постель была готова, он разгладил ладонью ткань и ненадолго присел на край.

Из кухни доносилось гудение холодильника, в коридоре лежала полоса света. Илья сидел, прислушиваясь к дому, и постепенно переставал ожидать, что сейчас придётся подняться и куда-то ехать. Когда наконец поднялся, то лишь за тем, чтобы принести из прихожей сумку с одеждой. Чистую рубашку он повесил на спинку стула — чтобы утром не искать.

Голос в конце дня

Проснувшись, Илья некоторое время смотрел на рубашку, висевшую на спинке стула, и по ней вспоминал, где находится. В городской спальне на этом месте стоял шкаф. Здесь за рубашкой белела стена, по которой медленно передвигался отсвет окна, а из сада доносилось

такое усердное птичье щёлканье, словно кто-то никак не мог завести маленький неисправный механизм. Вечером дом казался слишком тихим; теперь Илья прислушивался и удивлялся, сколько в нём звуков, когда сам лежишь неподвижно.

Вставать сразу не хотелось. Можно было ещё полежать, позволить себе утро без дороги и поспешных сборов. Но рядом с кроватью лежал телефон, и, потянувшись посмотреть время, Илья увидел вчерашнюю фотографию дочери. Экран открылся на том самом снимке у жёлтой стены. Он снова заметил незнакомую куртку, поворот головы, чью-то руку на краю кадра. За ночь желание поговорить не исчезло, только стало неловким, как многие намерения, которые вечером представлялись совсем простыми.

До завтрака он успел придумать несколько причин не писать сейчас. Воскресенье, Лена может спать. Потом начнутся её дела, потом, возможно, она куда-нибудь уедет. При этом он не знал ни во сколько дочь встаёт по выходным, ни часто ли они у неё бывают свободными. Прежде такое незнание его не смущало: взрослому человеку не обязательно отчитываться перед отцом. Теперь же под этим правильным объяснением обнаружилось удобство, которого он раньше не замечал. Не спрашивая, он не рисковал услышать, что позвонил не вовремя.

Чайник уже закипал, когда Илья наконец написал: «Я в доме. Собираюсь немного пожить здесь. Можно вечером позвонить?» Перечитал и добавил: «Просто поговорить». Последние слова выглядели непривычно. Он чуть было не заменил их вопросом о документах, которые Лена обещала отсканировать, но оставил как есть и отложил телефон на подоконник.

Пока ответа не было, можно было сходить за хлебом. Илья вышел пешком, хотя в первую минуту по привычке стал искать ключи от машины. Возле калитки пришлось остановиться: Вера, заметив его, спросила, удалось ли выспаться. Он ответил, что вполне, и вспомнил про доски. Соседка объяснила, где находится склад, предупредила, что по воскресеньям он закрыт, и показала рукой в сторону дороги. Илья выслушал её внимательнее, чем требовалось: ему нравилось, что разговор не закончился обменом приветствиями. О матери он опять не спросил. Вера держала у плеча телефон, прикрыв его ладонью, и было ясно, что она лишь ненадолго прервала свой разговор.

До пекарни оказалось дальше, чем представлялось из машины. Илья успел заметить новую крышу на угловом доме и пустое место там, где прежде стоял газетный киоск. У входа в магазин двое мальчишек спорили, хватит ли им денег на большой пакет сухариков. Продавщица терпеливо ждала, пока они пересчитают мелочь, и Илья тоже ждал, не чувствуя обычного желания поскорее оказаться у прилавка. Когда он вышел с тёплым хлебом, телефон завибрировал в кармане.

«Давай после восьми. Ты надолго?»

Он ответил, что пока до октября, и ещё несколько шагов прошёл, глядя в экран. Никакой особенной радости Лена не выразила, но ведь он и не сообщал ничего радостного. Просто предложил поговорить и получил время. От этого вечер приобрёл небольшую, почти домашнюю определённость: в восемь нужно будет быть на месте.

Илья принёс хлеб, нашёл рулетку и занялся крыльцом. Потом сел за ноутбук, чтобы подготовить к понедельнику документы. Работа пошла легко, однако ближе к семи он начал поглядывать на часы. Ему не понравилась эта суетливость. За всю жизнь он провёл столько трудных разговоров, договаривался с незнакомыми людьми, отстаивал решения, которые нравились далеко не всем. А теперь беспокоился, что не найдёт слов для собственной дочери. Он закрыл рабочий файл и перенёс телефон с большого стола на маленький, словно от этого зависело, насколько удачно они поговорят.

В восемь Лена не ответила. Илья подержал трубку у уха до конца вызова, затем положил её рядом с чашкой. Минуты через три пришло сообщение: «Ещё немного. Прости». Он успел написать «ничего страшного», когда она позвонила сама.

— Пап, привет. Ты уже там? Всё нормально?

В её вопросе было лёгкое беспокойство. Илья понял, что слова «просто поговорить» могли прозвучать подозрительно: прежде он почти никогда не предупреждал о звонке, если не было дела. Пришлось первым делом объяснить, что ничего не случилось. Он рассказал про дом, про планы задержаться, про доску на крыльце. Лена спросила, не холодно ли по ночам. Потом уточнила, работает ли интернет. Всё шло привычно, и Илья уже почувствовал, как удобно было бы закончить разговор, поблагодарив за заботу.

Вместо этого он спросил о жёлтой стене.

Лена не сразу поняла, о какой фотографии идёт речь. Послышался шорох, затем короткий смешок: она, видимо, нашла снимок в переписке. Оказалось, это было ещё весной, во дворе мастерской художницы, у которой они забирали керамику для выставки. За кадром стояла её подруга Марина с огромным фикусом. Художница собралась переезжать и решила отдать им растение заодно с работами. Они уже загрузили машину, но всё равно пытались придумать, куда поставить горшок, и Марина уверяла, что в крайнем случае сама поедет в багажнике.

Илья спросил, увезли ли фикус. Лена сказала, что за ним пришлось вернуться отдельно. Он представил эту вторую поездку, большой горшок на заднем сиденье, дочь за рулём, и улыбнулся. У фотографии, которую он прежде пролистал за секунду, появилась дорога, чужой двор, неудобная тяжёлая вещь, над которой можно было смеяться вдвоём. Ему захотелось спросить ещё что-нибудь про Марину, но в трубке раздался металлический стук, и Лена тихо выругалась.

Она всё ещё была на работе.

Это известие сразу изменило его настроение. Илья посмотрел на часы и спросил, зачем понадобилось задерживаться в воскресенье. Дочь ответила, что утром привезут работы и нужно закончить свет. Он знал в общих чертах, чем она занимается: небольшие выставки, временные пространства, договоры на несколько месяцев. Ему всегда казалось, что с её способностями можно найти место спокойнее и надёжнее. Пока Лена объясняла, почему нельзя оставить всё до утра, он уже подбирал слова для знакомого совета.

— Ты бы всё-таки посмотрела какое-нибудь большое бюро. Нельзя же постоянно вот так.

На другом конце стало тише. Илья услышал, как что-то поставили на твёрдую поверхность.

— Пап, я тебе сейчас не жалуюсь.

Он хотел сказать, что и не считает это жалобой, просто переживает. Уже приготовился объяснять разницу, но Лена добавила:

— Я ответила, где я. Не надо сразу решать, что мне отсюда пора уходить.

В первые секунды ему стало обидно. Разве нельзя заботиться о собственном ребёнке? Он ничего не требовал, не вмешивался, всего лишь предложил. Это возражение было таким привычным, что почти произнеслось само. Однако в трубке продолжалась пауза, и за ней вдруг послышалась усталость, которую легко было принять за раздражение. Дочь, наверное, стояла где-то между недоделанными стендами, держала телефон плечом и пыталась закончить дело. А он, ещё не разобравшись, уже предложил ей другую жизнь.

— Хорошо, — сказал Илья. — А что со светом не получается?

Вопрос вышел немного деловым, будто он приглашал её вернуться к повестке. Лена помолчала, потом ответила: не получается сделать так, чтобы стекло не отражало соседнее окно. Они выставляют маленькую чашку, а видна главным образом дверь за спиной зрителя. Илья почти сказал, что нужно просто переставить витрину. Удержаться помогло только то, как уверенно прозвучало у него в голове это «просто».

Вместо совета он попросил показать.

Первый снимок получился тёмным. Он увеличил его, но разобрал лишь край стекла и белое пятно. Лена прислала второй, сделанный сбоку. Теперь была видна неглубокая чашка с неровным синим ободком. От неё на серую поверхность падала длинная мягкая тень. Илья не

сразу понял, ради чего стоило провести здесь воскресенье, но заметил, как сильно отличаются два снимка одного предмета.

— На втором лучше видно, — сказал он. — Только ручка будто сломана.

— Она такая и есть. Это не ручка, а выступ. Её держали ладонями.

Лена заговорила спокойнее. Рассказала о мастерице, чьи работы они собирали для выставки, о разных глазурях, о том, что некоторые вещи годами оставались в шкафу и теперь впервые оказались рядом. Илья несколько раз терял нить, но уже не торопился переводить разговор на то, в чём разбирался сам. Ему было легче смотреть на фотографию и спрашивать про неё. Не о том, сколько платят за такую работу и когда наконец появится постоянный заказ, а почему именно этот предмет поставлен отдельно.

Ответ оказался неожиданным. Чашка была одной из последних работ мастерицы. У неё дрожали руки, и ровный круг больше не получался. Лена показывала на снимке чуть просевший край, объясняла, почему не захотела повернуть его к стене. Илья посмотрел на материнское блюдце возле хлебницы. Вчера он тоже машинально развернул скол так, чтобы его не было видно. Сходство пришло ему в голову сразу, но рассказывать о нём он не стал: Лена ещё говорила.

Её прервал чей-то голос. Она прикрыла микрофон, затем вернулась и сказала, что нужно на минуту отойти: привезли удлинитель. Илья уже открыл рот, чтобы освободить её привычным «ладно, не буду мешать». Но услышал:

— Ты подождёшь?

— Да, конечно.

Ожидание оказалось совсем недолгим. В трубке скрипнули колёсики, кто-то спросил, где выключатель, потом послышались шаги. Илья сидел у своего окна и слушал чужое рабочее пространство, в котором дочь передвигалась уверенно и быстро. Там её звали по имени, спрашивали, как лучше поставить, просили посмотреть. Ему раньше было трудно представить её день иначе, чем через собственную тревогу о деньгах и поздних возвращениях. Теперь он просто слышал, как она отвечает другим людям.

Вернувшись, Лена извинилась и спросила, не скучно ли ему. Он сказал, что нет, и это было правдой. Ему хотелось ещё узнать, будут ли люди замечать неровный край чашки. Дочь ответила, что кто-нибудь заметит, а кто-нибудь пройдёт мимо. Тут в её голосе появилась лёгкость, и они стали говорить уже без той осторожности, с которой начали.

Вспомнили синюю кружку из старого буфета. Илья считал её Лениной любимой, но оказалось, что она собиралась забрать её под кисти: широкая и тяжёлая, не переворачивается. Он пообещал поискать. Дочь спросила про яблоню у забора, и пришлось выйти в сад, потому что из кухни он не мог понять, много ли на ней плодов. В темноте ветка оказалась совсем рядом с лицом. Илья поднял телефон и посветил, а Лена засмеялась, услышав, как он шуршит листьями.

Пока он возвращался в дом, разговор приблизился к концу сам собой. Дочери нужно было заканчивать работу. Илья сказал, что рад был её услышать, чуть замявшись на последнем слове. Лена ответила не сразу, потом попросила прислать утром фотографию сада. Ей хотелось посмотреть, как там всё выросло.

После звонка кухня не изменилась: тот же холодильник, та же чашка на светлом круге столешницы. И всё же сидеть в ней стало легче. Илья вспомнил свой совет о большом бюро и поморщился. Он не сделался за один вечер человеком, с которым всегда просто разговаривать. Дважды перебил дочь, один раз не понял, о чём она спрашивает, и едва не произнёс очередное «я же тебе говорил». Но Лена не закончила разговор после первого неудобного места. Ему хотелось верить, что в следующий раз она тоже не станет торопиться.

Ужин пришлось разогреть. Пока шумела вода в кастрюле, Илья унёс рабочие бумаги со старого письменного стола и включил лампу. Абажур чуть наклонился, и он поправил его,

освободив рядом место для телефона. На экране появился ещё один снимок: чашка в витрине, теперь без отражения двери. Под фотографией Лена написала: «Кажется, поймали».

Он начал печатать: «Вот видишь, всё получилось». Посмотрел на слова, стёр и ещё раз открыл снимок. Неровный край был хорошо виден; тень под ним повторяла ту же впадину.

«Теперь вижу, о чём ты говорила», — ответил Илья.

Лена прислала короткое «да» и почти сразу ещё одно сообщение: «Я домой. Завтра сад не забудь».

Илья посмотрел в тёмное окно. Утром лучше будет снимать с крыльца: оттуда видно и яблоню, и дорожку, по которой дочь когда-то бегала босиком. Он поставил телефон заряжаться и, проходя мимо кровати, не стал задвигать штору до конца. Хотелось проснуться, пока в саду ещё будет тот мягкий свет, который сегодня он почти целиком пропустил.

Два стула под яблоней

Фотографию сада Лена увидела только днём. К этому времени Илья успел решить, что снимок получился неудачным: на переднем плане слишком много травы, крыльцо перекошено, яблоки почти неразличимы среди листьев. Он уже собирался выйти и снять иначе, когда дочь

прислала: «Тот самый поворот дорожки». Больше ничего. Но Илья снова открыл фотографию и посмотрел именно туда, где дорожка исчезала за кустом. Сам он не подумал бы, что для неё важнее всего окажется этот небольшой поворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.